

В Париже мы бывали неоднократно, но всё как-то наскоком, впопыхах. На этот раз решили осмотреть его по-туристически, без спешки. Гера купил нам евростаровский туристический пакет на неделю, и мы отправились. Давно уже всем известно, что поезд “ведет” себя на территориях Англии и Франции по-разному. Дороги у англичан, причем все: как железные, так и бетонные, – притча во языцех. Бесконечный ремонт и улучшение – вот примета английского передвижения. Это улучшение входит статьей в бюджет тех администраций, на чьей территории пролегают эти кровеносные вены дорог, и каждый ремонт – это дело, думаю, достаточно выгодное. Но не для пассажиров. Изменить что-нибудь в дорогах по-английски невозможно. Все, принятое парламентом столетней давности, как английская крепость, нерушимо.

Французы всячески стараются утереть нос англичанам и крайне довольны, когда поезд, минуя последнюю английскую милю, взлетает на французских километрах со скоростью в три раза большей. Да и общая внутренняя атмосфера как-то сразу оживляется в поезде: тишина и снотворность меняется на легкий выпивон и милые улыбки. На этот раз и природа тоже почувствовала это напряжение и, спокойно распроставшись с дождем, начала улыбаться прорехами в облаках до полного их исчезновения к концу пути.

Гостиница «Меридиан», недалеко от Триумфальной арки, встретила нас ненавязчиво и приятно, с журчанием французской речи, перемешенной с английской только из-за надобности.

Приняв щедрый французский душ, мы отправились на Елисейские поля – Champs Elysees – гордость и визитная карточка Парижа. Мой “изумительный” французский язык всё же производит значительно более приятное и необходимое в путешествии впечатление, чем просто игнорирование языка страны, в которую приехал. Сценка, увиденная на Елисейских полях, – тому подтверждение: два американца пытались найти улицу Чэмсэлайсыс (Champs Elysees), стоя прямо на ней, но на такое хамство французы даже не реагировали. Туристическая американская вседозволенность во Франции срabатывает очень плохо.

Гордость гордостью, а бизнес бизнесом. Париж – город мира, здесь живут и сюда приезжают, чтобы понять, что такое свобода. Парижская граница – это безвопросная сверка документа с проходящим границу человеком, с неперенным “мерси мадам/мсье”. Люди всех национальностей, всех неслыханных языков сливаются в одну кипящую массу, называемую Парижем. Шумные итальянки в золоте и шубах (это

в марте); демократичные парижане в рубашках; японцы со своими космическими камерами, желающими запечатлеть все, что не видно глазами; американцы, группирующиеся у своих автобусов и гидов; индусы, арабы, китайцы, русские и пр. и пр. Приветливый гомон стоит над этими Полями, перемешиваясь в недофранцузскую речь. Здесь все продают, здесь все едят, здесь любят и ругаются, здесь..., здесь..., здесь... Ресторанные стулья расположены как ложи в театре: лицом к зрелищу, то есть к улице. Так что весь этот спектакль, под названием “Жизнь Парижа” проходит прямо перед глазами тех, кто приехал его посмотреть. Все это уживается, ни на минуту не прекращаясь круглые сутки. Французские полицейские гордо прогуливаются по проспекту, но никогда не вмешиваются в то, что могло бы нарушить права человека, например, оставят в покое пьяного пожилого человека, который мочится под себя. Это может вызвать только смех, что страшнее наказания.

Традиции и история – два важнейших пласта человеческой жизни, чего мы в своей туристической программе всегда стараемся коснуться. По нашей программе на следующий день утром значилось кладбище Пер Лашез. У входа я купил карту кладбища (сделанную самостроком на принтере), которую, оказывается, можно было взять бесплатно у служащих этого кладбища (у, жулье!). На огромной территории похоронено множество людей, известных во всем мире. Хотя посещение таких мест всегда имеет особый эмоциональный отпечаток, мы, тем не менее, пошли поклониться великим людям, обойдя несколько десятков из них (Абеляр, Аполлинер, Бальзак, Бомарше, Беллини, Бланк и Бланки, Шопен, Делакруа, Даламбер, Исидора Дункан, Элюар, Лафарг, Лафонтен, Лаура Маркс/Лафарг, Мольер, Пиаф, Писсаро, Пруст, Россини, Тьер, Морис Торез, Оскар Уайлд, В. Врублевски).

“Сумерки духа” захотелось сменить на что-то ярмарочное, праздничное. У Вали по плану – Монмартр. Это – часть города, расположенная на возвышении. Доехали мы до Площади Пигаль на метро, а там... по карте, в которых, как известно, я мастер. Однако, то ли карта плохая, то ли я “не дотянул”, мы заблудились. Мой французский не предусматривал такого поворота событий, и мы растерялись, блуждая в подъемах и спусках узких улочек. Порадовавшись, что французы не отвечают наглým янки по-английски, мы и не решились использовать их терпение в нашей ситуации. Однако усталость валила с ног, и Валя, увидев держащих в руках карту каких-то туристов, спросила у них место нашего нахождения и пути выхода из него по-английски. К невероятной радости и даже счастьем это были американцы. – Вот так вот, не плюй в колодец...

Вершина этого холма – центр Монмартра. Здесь находятся музеи и ярмарки, магазины и уличные художники, рестораны и жилые дома, и белый красавец Собор Саркрююр. Музыка слышна отовсюду. Везде поют и играют, хлопают и пляшут. Мы сели отдохнуть в небольшой ресторанчик, естественно, лицом к действию, и наблюдали эту богемную жизнь. Выпив винца и пива, мы сели на туристический поезд Монмартробус (Montmartrobus) и объехали весь район. Сказочный маленький поезд жутко стучал колесами по мостовым, выложенным камнями, производя впечатление замучившегося от бизнеса существа. Им исправно погоняла девушка-водитель, которая на мои вопросы на английском демонстративно отвечала по-французски и рассказывала про объекты, должные к просмотру. Путь лежал через Пигаль с ее сексодромом (так называется магазин для этих профессионалов), Мулен Руж – театр-варьете, кладбище, где отдыхают от суеты те, кто творил на Монмартре, музей Дали и многое другое. Вернувшись на исходное место, мы решили пройти ногами еще кое-что.

Музей Дали. Его картины и скульптуры вызывают изумление у нормальной публики и глубокомысленный вид у остальной. Для меня Дали – странное явление. Нельзя не понимать, что он живописец, талантливый изобретатель нового языка. Но мир с позиции психически больного, ненормального человека я не принимаю. Все время подступающее отвращение и тошнота, я думаю, тому свидетельство. Рассматривание его работ многими людьми – это для меня тест на здоровье любующихся. Слава богу, у нас в Валеи мнение на этот счет совпадает полностью.

Путь наш лежал вниз, к метро, через красивый мостик, под которым мы и увидели кладбище Монмартра. Сил уже не было, однако и возвращаться сюда больше не было времени. Решили заглянуть на минутку. Здесь шутки-карты мы уже не покупали, я взял их бесплатно.

Мой любимый поэт и мыслитель – Генрих Гейне. Я почему-то никогда не интересовался, где он похоронен (может, потому, что он для меня жив всегда). Вдруг на карте я нахожу его имя. Валя стала крутить ее и так, и сяк, сверяя направления, но странное чувство вдруг повело меня само. Без всяческой карты я почти мгновенно нашел могилу Гейне.

Изящный памятник, сделанный из белого мрамора, точно соответствовал сути поэта: печальный лик выражал скорбь. Когда-то он с болью в сердце пророчил: будущее принадлежит коммунистам. “Действительно, только с отвращением и ужасом

думаю я о времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнут власти: грубыми руками беспощадно разобьют они все мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они уничтожат все те фантастические игрушки и безделушки искусства, которые так любил поэт; они опустошат мои лавровые рощи и посадят там картофель; лилии, которые не трудились и не пряли, а все же одевались так, как не одевался и царь Соломон во славе своей, будут вырваны из почвы общества, если только не захотят взять в руки веретено; розы, эти праздные невесты соловьев, подвергнутся такой же участи; соловьи, эти бесполезные певцы, будут изгнаны, и - увы! - из моей "Книги песен" бакалейный торговец будет делать пакетики, в которые станет насыпать кофе и нюхательный табак для старух будущего. Увы! Все это я предвижу, и несказанная печаль овладевает мной при мысли, что победоносный пролетариат угрожает гибелью моим стихам...".

Генрих Гейне. Ты оказался не прав. Пролетариат не угрожал твоим стихам. Наоборот. Он тебя издавал и переиздавал. А вот на родине, в Германии, тебя действительно не знают. Не знают тебя ни в Америках, ни в Англиях. Ты для них до сих пор опасный поэт. Филистеры, как и в твои времена, ненавидят революционеров даже в поэзии.

Памятники громоздились, вызывая в памяти и симфонию Берлиоза, и картины Дега, и песни Далиды... Мозг уже отказывался понимать и воспринимать все движущееся, и мы ушли.

Монпарнас – это деловой район с американо-подобными стеклянными зданиями-башнями. Для нас здесь нет особых туристических мест, однако не побывать там нельзя. Мы пошли по району, блуждая и гуляя свободно. Район этот плоскостной, усталости никакой, только удовольствие одно. Но странным образом мы опять очутились около стены, за которой виднелось мощное кладбище. "Какой-то кладбищенский туризм получается," – подумал я. Однако, интерес поборол эмоции, и мы зашли. Сразу попало захоронение великого русского шахматиста Алехина. Плита разбита пополам, а сама могила заросла бурьяном. Российское посольство, видимо, не может наскрести деньги, чтобы привести место памяти и своей истории в божеский вид. Недалеко – Нижинский в колпаке шута, танцующего на своем одре. Похоронен здесь и поэт Борис Чичибабин, стихотворенье которого меня однажды очень сильно поразило:

Не верю в то, что руссы
любили и дерзали –

одни вралы и трусы
живут в моей державе...
И если жив еще народ,
то почему его не слышно?
И почему во лжи облыжной
молчит, дерьма набравший в рот?

У нас было еще запланированное посещение – русское кладбище в Сент-Женев де Буа. Туда неудобно добираться, нужно ехать на машине, но Герин товарищ, Олег, подарил нам эту поездку, сопровождая и показывая известное русским, живущим в Париже, место.

Здесь последний приют белой гвардии, здесь похоронен Тарковский, Нуриев, писатели, к которым в силу своей идеологии я относился весьма предубежденно. Единственное место, где я стоял с особым чувством, – это могила писателя В. Максимова. Живя в Советском Союзе, я о нем ничего не знал. Его книги прочитал только находясь в Канаде. Максимов, как известно, страстно ненавидел ельциновский режим и выступал против него с яростными статьями в газете «Правда» (больше его никто не печатал) под рубрикой «Мне это видится так». Но удивительно другое. После его смерти в 1995 г. эту рубрику передали мне, и некоторое время я писал под ней свои статьи.

Ну о кладбищах хватит. Все. С этим нужно кончать! Одни покойники! – пронеслось в голове. К счастью у Вали на следующий день – Лувр. Она-то там была сто раз, а я нет. Вот она и готовилась, чтобы меня просветить. Но после всех этих кладбищенских заходов мне захотелось выпить пива, да побольше. Тут и сынок не подкачал. Звонит и говорит: “У вас на завтра театр Лидо”. Лидо, так Лидо, я и там не был. Лувр “переехал” на следующий день, к моему счастью.

Билеты, оставленные для нас, были вручены с каким-то особым почтением. Мы, не ведая почему такая честь, спокойно приняли их. При входе в театр-варьете швейцар, изогнувшись дугой под тяжестью этих билетов, подхватил нас и, заискивающе сюсюкая, довел до самой центральной и единственной на 2 персоны ложи. Тут мы поняли, что это – места для особых гостей. Началась церемония приема-обхаживания: и то вам пожалуйста, и это. Меню принесли (тут во время спектакля положено есть дорожную еду и пить вино или все, что захочешь), свечку зажгли, посуда сверкает, музыка тихохонько льется. “Что же это за концерт такой?” – подумал я, как в ответ

грохнула музыка, взлетел занавес и, к уже захмелевшим людям, вылетели красавицы-артистки, обнаженные по пояс, все в перьях и искренними и очаровательными улыбками пошли на нас. Бордель!!! Но какого класса!!! Здесь обязательно нужно быть, чтобы понять, что такое Париж! Напряжение ушло, вино работало, красавицы демонстрировали искусство девственно показывать обнаженное тело. Вечер удался.

Валя не унималась от невыполненной программы по музеям, и я решил собрать всю волю и посетить оба из них в один день. Музей д'Орсей мне очень понравился не только потому, что там большая коллекция импрессионистов, но главным образом тем, что у самого входа стоит скульптура, сотворенная неким Эрнстом Кристофом, которая изображает Валю, только почему-то голой. Смотрится это лучше, чем какая-нибудь безрукая Венера Милосская. Сердце мое заныло, я сел на ступеньки рядом с “Валей обнаженной” и никуда не хотел идти. Но “Валя одетая” сверкнула глазами и потащила меня по залам и коридорам. Я сдался.

Само собой, мы побывали в Лувре. Чего там только нет! Валя, чтобы не терять время, сразу повела меня к Моне Лизе (The Mona Lisa) Леонардо, у которой постоянно толпится народ, разгадывая ее улыбку. Для меня эта проблема совершенно непонятна: зачем разгадывать улыбки. Ну, улыбается человек, что же здесь особенного.

Но если без шуток, то Леонардо – это человек-веха в истории землян. Он принадлежит всем, так же, как и Сократ, Гегель, Гете, Бах – личности, открывающие новые страницы истории.

Побродив по различным районам Парижа в оставшееся туристическое время, память оставила калейдоскоп знаков: Оперный театр – самое красивое здание, виденное мной когда-либо; Центр искусств Помпиду – уродство как снаружи, так и изнутри; Эйфелева башня впечатлила, но умеренно; Военная Академия (этот центр по науке о капитуляции, как назвала его Валя) – красивое архитектурное сооружение; площадь Бастилии разочаровала: современных революционеров на площади не было (то ли был вторник, то ли еще все они спали); площадь Конкорд – мощь и величие, от нее во

все стороны раскрываются руки-дороги Парижа, а скульптуры коней у этой площади красивее, чем кони Аничкова моста в Петербурге (а там, в Петербурге, говорят, что у них – самые-самые кони); Собор Парижской Богоматери – чудо архитектуры; и тут же через мостик – Латинский квартал – ярмарка и торговля; чуть-чуть подальше – Сорбонна, французская наука, так сказать. Парижское метро оказалось весьма функциональным и симпатичным. На некоторых станциях даже курят. Много певцов, подрабатывающих таким образом на жизнь. Народ – веселый и галдежный. Все это резко отличается от английского метро, да и вообще уклада жизни, где все наоборот: тихо и нефункционально. Заметил, что французы к русским и к России относятся лучше, чем англичане. Хотя, как мне сказал один англоязычный поляк, англичане даже к себе плохо относятся.

И тем не менее, жизнь делают люди себе сами вне зависимости от национальности, где смысл и ценности – вот, на наш взгляд, главные ее пути.

Олег Арин

Опубликовано: Олег Арин. *Между Тити и Кака. Впечатления туриста... и не только.* М.: Изд-во ЛКИ, 2008.